

## **ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА РОМАНА А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ» НА ХАРАКТЕР ЯЗЫКОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. АКУНИНА**

**Нина СИЗИКОВА (Белгород, Россия)**

*У статті розглядаються мовні особливості творів Б. Акуніна, на стиль оповідання яких зробив значний вплив роман «Петро Перший» О.М. Толстого. Зокрема, у мовному вирішенні особи героїв у своїх творах Б. Акунін слідує за О.М. Толстим.*

*The linguistic features of works by B. Akunin are studied in the article. B. Akunin's individual style was considerably influenced by O.M. Tolstoi's novel «Peter I». In particular, B. Akunin follows O.M. Tolstoi's style while depicting verbal personalities of heroes in his works.*

Русская классическая литература оставила нам в наследство не только необозримое богатство русского языка, но и систему воззрений, ценностей, представлений о человеке в контексте эпохи и социального пространства.

Рядовой читатель, обременённый тысячами насущных забот, редко ищет в архивных документах следы ушедших эпох. Однако прошедшие времена и ушедшие в небытие люди встают перед читателями как живые на страницах лучших образцов исторических повестей и романов. Одним из таких произведений является роман А.Н. Толстого «Петр Первый». Несмотря на то, что в задачи нашего исследования входит рассмотрение особенностей реализации языковой личности в «историко-ироническом детективе» (на материале произведений Б. Акунина), представляется небезынтересным обращение к проблеме языковой личности в романе А.Н. Толстого, поскольку это произведение, со всей очевидностью, оказало значительное влияние на создание Б. Акуниным некоторых его романов, в первую очередь, романа «Турецкий гамбит».

Ставя перед собой цель проанализировать средства создания языковых личностей персонажей в произведениях Б. Акунина, мы полагаем, что концепция языковой личности, выдвинутая Ю.Н. Карауловым, обладает наибольшей объективностью для понимания исследуемого феномена и предлагает наиболее продуктивные пути его анализа.

Так, Ю.Н. Караулов утверждает, что современные представления о языке как объекте языкознания основываются на четырёх фундаментальных его свойствах: исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления [2: 3-11].

Б. Акунин следует за А.Н. Толстым именно в приёмах воссоздания колорита описываемой эпохи, её языка, причём не отказываясь от средств современного языка. Отметим, что герои А.Н. Толстого как вымышленные, так и реально существовавшие выписаны настолько живо, что после прочтения романа создаётся впечатление, что они могли жить, чувствовать, говорить именно так, как представил это писатель, и никак иначе.

Для А.Н. Толстого характерна широта охвата языкового материала, художественного проникновения во все его пласты, в многообразие его диалектных, классовых, социальных, профессиональных подсистем. Поскольку писатель освещает события через призму восприятия разных героев, в результате возникает живое многоголосье монументальных произведений А.Н. Толстого в пределах ярко выраженного своеобразия художественного языка. Это многообразие речи и создаёт впечатление естественности, полноты и широты охвата действительности, раскрываемой в её многоцветности и движении. В зависимости от характера повествования автор задействует все разновидности национального языка; книжно-литературный, эпистолярный, фольклорный, просторечный. Однако их использование подчинено образно-эмоциональным задачам искусства, входя составной частью в единую изобразительную систему.

При этом для произведений А.Н. Толстого характерно органическое слияние общего исторического колорита с индивидуальным своеобразием речи героев. Богатству человеческих характеров в его творчестве соответствует и разнообразие выразительных средств языка. Проблему собственной речи персонажей художник разрешал как важнейшую, необходимую часть создания целостного типического образа.

Так, например, одним из эпизодических персонажей романа А.Н. Толстого является князь Роман Борисович Буйносов. Сцена первого знакомства читателя с этим персонажем изобилует внутренними монологами, несобственно-прямой и «условно-интериоризированной» речью. Наиболее широко используется несобственно-прямая речь, представляющая собой законченные отрезки текста, где вводные фразы принадлежат автору, а последующие дословно передают ход мыслей персонажа.

Дискурс Буйносова:

*в одном исподнем сидел на краю постели, кряхтя, почёсывался и грудь, и подмышками. Но сторон привычке лез в бороду, но отдёргивал руку: брито, колко. протнемо... Уа-ха-ха-а-а... – позёвывал, глядя, в мутное оконце [3: 373-374],*

*Угрюмо поглядел на платье, брошенное с вечера на лавку: шерстяные, бабы. Поперёк полосатые чулки, короткие штаны жмут спереди и сзади, зелёный, как из жести, кафтан с галуном. На гвозде – вороной парик, из него палками пыль-то не выколотишь. Зачем всё это? [3: 374],*

*Роман Борисович больше фыркал в ладони, чем мылся, – противно такое бритьё, колющее мыть [3: 374].*

*Переступил с ноги на ногу, – вспомнил, как в последний день его, напоивши вином до изумления, спустив штаны, посад пан в лукошко с яйцами... И не смешно вовсе...*

*Жена видела. Мишка видел... [3:376]*

*... удивился, приоткрыл рот, – неужто не хотят платить? [3: 377]*

*Бровкинский полотняный завод давно не давал покоя Роману Борисовичу, Сенка чуть ли не каждый день поминеш про него: явно хотел на этом деле уворовать немало [3: 378],*

*С неохотой Роман Борисович вылез из-за стола – делать галант гостье: трясти перед собой шляпой, лягать ногами... А перед кем ломаться-то князю Буйносову! Эту боярыню Волкову семь лет назад Санькой звали, сопли рваным подолом вытирала [3: 381].*

*Роман Борисович, посидев за столом, велел заложить возок, ехать на службу, в приказ Большого дворца. Ныне всем сказано служить. Будет мало на Москве приказного люда. Дворян посадили скрипеть перьями. А сам весь в дегтю, в табачище, топором тюкает, с мужиками сивуху пьёт [3: 384],*

Писатель перевоплощается в своего персонажа, вводной фразой настраивая читателя на мысли действующего лица. Очевидно, что автор иронически сочувствует своему персонажу, всё вокруг бедняге не по нутру.

И люди ведут себя не так, как в старину: бояр позорят, бороду бреют, дворян в приказ сажают бумаги писать, крестьяне подати платить не хотят, безродные купцы в люди выбиваются и так далее, и так далее. Дочери распустились совсем: «Пришлось делать в доме политес. Княгиня Авдотья по глупости только всему удивлялась, но девки сразу стали смелы, дерзки, придирчивы. Подай им того и этого. Вышивать не хотят. Сидят, с утра разодевшись, делают плезир. – пьют чай и кофей» [3: 380].

Не дают отцу по старинке выпить с утра водки, закусить привычной едой. И хотя отцовская власть ещё не совсем: разрушена (можно еще прикрикнуть на дочь: «Молчи, кобылица. ... ай плётку возьму»), но чувствует бедный князь, что почва уплывает у него из-под ног.

Вся утренняя сцена в доме князя Буйносова проникнута добрым юмором. С одной стороны, автор сочувствует своему герою, с другой стороны, добродушно посмеивается над

ним, над его домочадцами – дочерьми, которые, раздевшись, «*делают плезир*»; над бедной княгиней Авдотьей, сбитой с толку переменами в доме (о сыне она говорит: «*Арифметику, батюшка, заучает. Уж не знаю, что с головкой-то его будет*» [3: 381], над вороватым приказчиком Сенькой.

Автором используется лексика, характерная для времени начала единоличного правления Петра I, когда в обиход стали входить иностранные слова, взятые из французского, немецкого, голландского, английского языков: «*плезир*». «*кофе*», «*мутер*», «*фатер*», «*куафа*», «*куафер*», «*бонжур*». При этом иностранные слова изменяются так, как это характерно для русского языка («*учит политесу*», «*политес изрядный*»).

Равным образом. Б. Акунин использует в своём романе иностранную речь, только в его произведении иностранной для героя становится русская речь, отдельные слова которой он вводит для создания колорита эпохи: «*po-schaliwali*», «*kruzhalo*», «*tselowalnik*», «*sobatchitza*», «*lagatza*» и т.д.

А.Н. Толстой умело включает в речь героев архаизмы и устаревшие обороты речи: «*князь Роман, князь Борисов, сын Буйносов*» (читателю с первых строк становится ясно, что герой держится любезной его сердцу старины), «*ради адского соблазна писаная*», «*гиль*», «*холоп*», «*полушка*», «*милостивец*», «*зело*», просторечные слова и выражения: «*паскудная*», «*морда*», «*кобылица*», «*слёзы прыгнут*». В речи толстовских героев все эти слова переплетаются так затейливо, что невозможно читать без смеха: «*Вон висит на тесовой стене где бы ничему не висеть голландская, ради адского соблазна писанная, паскудная девка с забранным подолом. Царь велел в опочивальне повесить не то насмех, не то в наказание*» [3: 374].

В одном предложении соседствуют и церковная лексика («*ради адского соблазна писанная*»), и просторечие («*паскудная девка с задраным подолом*»), и литературный язык («*царь велел в опочивальне не то на смех, не то в наказание*»). По-своему оригинально у А.Н. Толстого разговаривают все действующие лица: лакей Мишка: «*Царь-государь приказали боярыне и боярышнях! с утро кофей пить, так и варим*» [3: 375]; мужики, «*поставленные на правёж:*» за неуплату долга: «*Милостивец, Роман Борисович, да нет у нас... Ей-богу, хлеб до рождества съест... Скотину, что ли возьми, – разве можно эдакую муку терпеть...*» [3: 379]; князь Роман Буйносов: «*С государем сидели, думу думали, - вот какие были наши заботы... А тут не рад и проснуться*», «*Так, так, за дело, всыпь ещё*» [1: 378-379], княгиня Авдотья: «*Да, поешь ты, батюшка, вволю*» [3: 381]; дочери князя: «*Ах, ах, девы! Гости приехали... Вчерась опять в конюшне на балалайке куртаже делал и в карты по носам бился*» [3: 381].

По мнению А.Н. Толстого, взаимосвязь и взаимопроникновение разговорной речи и литературного языка являются основой их постоянного развития и совершенствования, поскольку язык художественной литературы, оказывающий огромное объединяющее и нормирующее воздействие на разговорную речь, в то же время не может сам развиваться без непрерывной связи со своим главным источником – живым современным разговорным языком.

Всего на нескольких страницах А.Н. Толстой даёт великолепную зарисовку жизни патриархальной московской боярской семьи с многочисленными домочадцами, челядью, устоями, привычками. Вековой покой, который всколыхнул мощный ураган петровских перемен. Часть людей всеми силами цепляется за старое, кто-то удачно вписывается в новые жизненные обстоятельства, И везде перед нами – живые люди. Со своими переживаниями, мыслями, поступками. И за каждым из них – автор, с помощью богатых языковых средств передающий дух изображаемого времени и создающий впечатляющие художественные образы персонажей.

Использование тех же приёмов мы можем наблюдать и у Б. Акунина. Он, как и А.Н. Толстой, вкрапляет в речь своих персонажей архаизмы: «*терем*», «*сени*», «*царев стольник*», «*полтина*», «*тать*», выражения, характеризующие реальные исторические лица и понятные любому человеку, жившему в описываемое время: «*нарышкинский волчонок*» (о Петре I), «*Воренок*» (о сыне Лже-дмитрия и Марины Мнишек).

У Б. Акунина каждый персонаж также вносит свою лепту в создание колорита эпохи: безымянный царский стольник: «*Батюшка Ефрем Силыч... Всего две свечечки-то и взял, псалтирь священную почитать. Не выдавай, Христом-Богом молю!*» [3: 250]; дьяк, диктующий писцу: «*А ежели оный воевода мздоимство не прекратит, заковать аго в железа и доставить в Москву, в Разбойный приказ...*» [3: 251]; царский шут: «*Как не слышать, царь-батюшка. Ума пала тушка... Это бабка-яга, .железна кочерга. Прыг да скок с приступки на шесток. Ух-ух-ух, сейчас наскочет, бока защекочет*» [3: 252]; царевна Софья: «*Любушка мой. ненаглядный, да я для тебя что хочешь...*» [3: 254].

Безусловно, используемые А.Н. Толстым приёмы: изображения эпохи, которая описывается в романе «Петр 1», нашли применение в романах Б. Акунина, герои которого обитают почти в том же историческом пространстве.

При этом в текстах Б. Акунина исторический колорит более условен, чем у А.Н. Толстого. Именно благодаря большей доле разговорного языка, что соответствует потребностям времени, автор всегда пишет с расчётом на лёгкость восприятия его произведения определенной читательской аудиторией.

Последовательно рассматривая языковые личности главных персонажей произведений Б. Акунина, можно сделать вывод о широте языковой личности самого автора. Писатель, изобретший жанр историко-иронического детектива, блестяще использует приёмы создания достоверных языковых личностей персонажей путем тщательной проработки речевых характеристик.

В результате складывается особый язык произведений Б. Акунина, богатый и многоплановый. Языковые возможности автора – блестящего страноведа и лингвиста, хорошо знающего русскую и мировую историю, – дают возможность его героям жить максимально правдоподобной жизнью и делают его произведения остроумными и захватывающими, привлекая внимание многочисленных читателей.

#### БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акунин Б. Турецкий гамбит: роман / Б.Акунин. – М.: Захаров, 2002. – 223 с.
2. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н.Караулов // Язык и личность: сб. статей. – М.: Наука, 1989. – С.3-11.
3. Толстой А.Н. Петр Первый / Толстой А.Н. // Собр. Соч. В 10-ти т. М.: Литература, 2001. – 496 с.

#### ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

**Ніна Сізікова** – здобувач кафедри російської мови та методики викладання Белгородського державного університету.  
*Наукові інтереси:* лінгвокультурологія російської мови.